

Начиная работу над новым романом весной 1874 года, Достоевский в самых первых набросках, когда еще не было найдено ни сюжета, ни героя, вспомнил о Гамлете. В веренице прошедших в воображении писателя литературных типов (Дон-Кихот, Жиль Блаз, Фауст, герои Шиллера и пр.) Гамлет задержал его внимание тоже на короткое, казалось бы, мгновение. Но Достоевский успел дать совершенно особую, неожиданную, ему одному вполне понятную интерпретацию шекспировского героя: "Гамлет-христианин". Для Достоевского в этих двух словах был заключен громадный смысл: никто так широко не понимал характер Гамлета. Все мечтатели, все благородно тоскующие по идеалам своим, все упивающиеся собственными страданиями и доходящие в этом до сладострастия, до подполья — Гамлеты. Все сомневающиеся в Боге, в разделении добра и зла, ушедшие в собственную "высшую идею", страдающие за людей и вместе с тем презирающие их — Гамлеты. Все раздваивающиеся, сосредоточенные на "вечном" вопросе о смысле и нужности жизни и все до капризной мнительности убежденные в исключительном своем положении в мире, рожденные "соединить" "цепь времен" — Гамлеты. Достоевский вместе со своими героями искал именно сомнений, искушений, ибо без этого не мыслил "глубокого христианства".

В "Подростке" таким христианином является, конечно, Версилов. По очень удачному выражению А.С. Долинина, Версилов вышел из "пра-Ставрогина" — он "страстен", "широк" и в своем зле и в своем раскаянии¹¹.

Это — "чисто русский и универсальный тип". Потому он и страдает, и мучится, и грешит, и в "схимники собирается", что слишком развит в нем "дух анализа и совестливости". Это дух и заставляет его сомневаться во Христе. Как же Христос мог "любить людей таких, как они есть"? Ведь мир так "подло" устроен, что жить "стыдно".

Но мотив "Гамлета-христианина" оказался в "Подростке" слабо реализованным: Версилов — Гамлет не столько в своей

---

11. Черновики к "Подростку" цитируются по публикации А.С. Долинина в книге: "Литературное наследство", т. 77, М., Изд. "Наука", 1966.